

АЖЕ в страдную пору Сирчана в расчет не принимают. Не работник — одно наказание, говорят односельчане. Такого позовешь, так не обрадуешься. Другие поденщики, смотришь, уже почти половину дневного урока сделали, а Сирчан, точно какой-нибудь раджа, только еще шествует от деревни, поигрывающая серпом, будто знаком княжеского достоинства, — идет не спеша, величественно, словно это не заросшая травой деревенская тропинка, а усыпанный розами пурпурный ковер... Ну и кому, скажите, нужен такой работник? И даром не надо. Поэтому ни на пахоту, ни на уборку Сирчана не зовут. Еще молодым был, старались обойтись без него, а уж теперь-то, когда ему далеко за сорок, все считают его просто обузой.

Конечно, теперь всякий может обозвать Сирчана как угодно: и бездельником, и дармоедом, и лодырем, и лоботрясом, — а ведь было время, когда у его неказистой хибары выстраивались коляски важных господ. Тогда односельчане не только здоровались с Сирчаном — случалось, даже заискивали перед ним: «Брат Сирчан! Теперь по всей округе ты один остался, другого такого мастера нету. Завернул бы как-нибудь на денек. Вчера из города от старшего сына письмо получил — он ведь сейчас в городе живет, — так вот, пишет он: закажи, мол, дяде Сирчану пару циновок. Такой, пишет, красоты нигде в мире нет».

Я же, помнится, всякий раз, как мать посылала меня за Сирчаном, сначала спрашивал: «А какое будет угощенье?».

— Ступай, ступай, — обычно со смехом говорила мать. — На мое угощенье он никогда еще не обижался.

Я не мог забыть, как однажды Сирчан поддел младшего сына Панчананда Чаудхри с улицы брахманов: «Овощи-то без масла твоя невестка умеет делать! А вот повкусней что-нибудь, видно, еще не научилась», — и тот молча проглотил пилюлю.

Вот потому-то я всякий раз и задаю матери этот вопрос...

Известный индийский прозаик Пханишварнатх Рену родился в 1921 году. Его перу принадлежат романы «Грязное покрывало» (1954) и «Сказание о пустоши» (1957), несколько повестей и многочисленные рассказы.

Завидев Сирчана, мать радостно приглашает:

— Проходи, проходи, Сирчан. Стряпала сейчас, да и вспомнила про тебя. Ты ведь, если мне память не изменяет, любишь такой рис — на чистом топленом масле готовила... Да тут вот старшая дочка весточку прислала — она сейчас в доме свекра гостит, — пишет, что прослышали они про твои циновки...

Украдкой проглотив голодную слюну, Сирчан смеется:

— Да я уж и сам шел к вам: чую, топленным маслом потянуло. Хоть и свадебный сезон сейчас, отведать чего-нибудь эдакого, может, и не доведется. Меня ведь нынче не очень жалуют.

По касте Сирчан — каригар¹. Бывало, я часами просиживал рядом с ним, глядя, как он, поглощенный работой, свяченно действует с гибкими прутьями лозы, полосками бамбука, жесткими прядями джута или конопли — искусно сортирует их, связывает в пучки и, осторожно опустив в чаны с разноцветной водой, раскладывает в тени на просушку... Но это только подготовка, главное впереди — ког-

вают дверной проем. За работой Сирчан преобразается. С раннего утра до позднего вечера он неторопливо возится во дворе нашего дома — и все в торжественном молчании, не проронив ни слова, будто на богослужении в храме. Когда Сирчан работает, опасен бог помешать ему. Взовьется, будто разъяренная кобра: «Зовите кого угодно! Хватит с меня! Сирчан — мастер, а не трещотка!».

Сирчан работает «на хлебах». Это значит, что деньгами ему не платят ни пайсы, но зато, пока он в доме, заказчик обязан каждый день кормить мастера досыта. Таков неписанный закон, так уж повелось испокон веку! И мастер знает себе цену: в молоко не положат сахару — это еще ничего, Сирчан съест, но если уж кто взглянет на него свысока или пенароком заденет словом, такого Сирчан не прощает...

Ко всему прочему Сирчан еще и лакомка. Поэтому, прежде чем позвать его, подумай об угощении — чтоб были к столу и свежие овощи, и лучший рис, приготовленный на чистом топленом масле, и свежее цельное молоко, и все прочее, чего он ни пожелает. Узнает, что все заготовлено, — сам придет, даже и без приглашения. Поскупившись — пеняй на себя! Бросит работу на половине, и поминай как звали: «С утра что-то голова раскаляется. Тут уж немного осталось. Как-нибудь зайду — докончу!...». «Как-нибудь» — значит «никогда».

Других каригаров, кроме Сирчана, в деревне не было. Поэтому превращать пучки травы, соломы или гибкие прутья лозы в красочные дорожки-коврики, из узких полосок бамбука плести переливающиеся всеми цветами радуги циновки, из бечевки — разноцветные круглые подстилки для сиденья, из жесткой травы «мундж» — крупноячеистые сети, что натягивают на складную деревянную раму для перетаскивания мякны, из пальмовых листьев — большие грибовидные зонты и шляпы для пахарей и делать много других полезных и красивых вещей во всей деревне умел только Сирчан. Правда, сейчас стали считать ремесло Сирчана пустым делом, почти забавой, за которую и платить не стоит. Кормят досыта да по окончании работы сунут какую-нибудь старую одежку — и на том скажи спасибо.

ОБИДА

РАССКАЗ

ПХАНИШВАРНАТХ РЕНУ

да Сирчан, обложившись разноцветными пучками, принимается колдовать над тем, что через день-другой выйдет из-под его заскорузлых, проворных пальцев радужным чудом — циновкой, которой счастливицы, на зависть соседям, обычно завешив-

¹ Каригар — ремесленник, одна из низших каст.

Но Сирчан далеко не всегда молча принимает то, чем от него хотят откупиться. Кому хоть раз доводилось звать Сирчана, те отлично знают, что за словом он в карман не полезет... Гас-сказывают, что однажды, услышав, как Сирчан костит ее родителей, дочка Бхаджу с улицы махаджанов² даже позеленела от злости:

— Ты, ты... Я матери скажу! Ишь язык-то развязал!

— Поневоле развяжешь, доченька! — спокойно отвечал Сирчан. — Две циновки сплел, а сам чуть ноги с голоду не протянул на сухом-то рисе! Вы же, бедненькие, сами голодаете! А мать-то от голода вся опухла, еле в дверь пролезает!

Собирались мы провожать к мужу Ману — мою самую младшую сестру: она только что вышла замуж и должна была перебраться в дом свекра. Страшновато было бедняжке отправляться в новую семью. Молодой муж еще раньше поставил условие: не привезет жена поднос сластей — ничего, обойдется, но уж если явится без пары модных циновок на дверь да без трех подстилок для сиденья — пусть пеняет на себя... Получив такое послание, старшая сестра весело рассмеялась:

— Ну, начинается! А мать будто знала — еще неделю назад наняла Сирчана, — и, повернувшись к возившемуся во дворе мастеру, добавила: — Не подведи, дядя Сирчан! Новое дхоти подарю — настоящее, фабричной выделки! Сделай что-нибудь такое, чтоб все от зависти лопнуло!..

Сирчан молчал, ровняя полочки бамбука и стебли жесткой травы коротким ножом. Ловко приделал на концах разноцветных бечевки изящные кисти и принялся плести полосу за полосой. Еще и полутора локтей не было в циновке, как всем стало ясно, что Сирчан готовит что-то необычайное. Чтобы не мешать мастеру, все домашние старались держаться от него подальше. Но любопытство превозмозгло: самая бойкая из семьи — моя средняя сестра не выдержала и, украдкой взглянув из-за занавески, лукаво проговорила:

— Если б раньше знала, что за одно лишь новое фабричное

дхоти такая вещь будет, непременно б написала брату.

Не отрываясь от работы, Сирчан серьезно ответил:

— Дай ты впридачу к дхоти еще и шелковую рубашку — для тебя такого не сделал бы. Такое — только для крошки Ману. Она самая младшая из вас, ей и так всегда что похуже доставалось... Да и супруг у нее не простой человек — на государственной службе состоит.

Сестра обиженно поджала губы. А тетка моя, проходившая мимо, сердито прошипела:

— Нашла с кем речи терять! У людей горе: родную дочь в чужой дом отправляют, а ему дай то, сготовь это! Дхоти обещали, сластями потчуют каждый день! Я вот покажу ему сласти! Подавится!

На следующий день циновка наполовину была готова. На узорчатом, будто хвост павлина фоне сияли семь ярких звезд. Ровненькие, одна в одну. Только цвет у каждой разный.

Колдуя над бамбуком, бечевками, жгутами, Сирчан от усердия даже язык высовывает — ну совсем как старательный ученик за грифельной доской. Увлечшись работой, забывает про еду. Вспоминает только, когда сделает последний узел. Вот и сегодня, закрепляя последний ряд на заготовленной основе, он уже поглядывает, чем-то его накормят. На большом зеленом листе горкой белеет ничем не одобренный вареный рис и несколько кусочков гура³. Я вижу, как у губ Сирчана ложатся мелкие морщинки, и тотчас бросаюсь к матери на кухню:

— Кто это вздумал угощать Сирчана таким завтраком? Сухой рис да гур!

— Разве ж мне одной за всем уследить? — недовольно ворчит она. — Эй, невестка! Почему не угощаешь Сирчана сластями?

— Шласти не ем, шештра, — шамкает Сирчан: рот у него набит рисом, кусочки гура по-прежнему лежат на краю тарелки нетронутые.

Заслышав голос матери, невестка недовольно сдвигает брови. Молча пройдя к Сирчану, она презрительно швыряет на тарелку горсть сластей и, не удостоив мастера даже взглядом, снова скрывается за занавеской.

³ Гур — неочищенный сахар, коричневая твердая масса, изготавливаемая кустарным способом из сахарного тростника.

Запив рис водой, Сирчан бросает ей вслед:

— У себя дома невестка угощает так же щедро?

Обиделась невестка. Убежала к себе в комнату, расплакалась. А тетка, прощмыгнув к матери, зашипела:

— И где ж это видано? Сам из низшей касты, а режет как бритвой! И на кого голос поднимает? На нас, высокорожденных! Смотри, сестра, смотри — сначала слова только, а дай ему волю... Кто его просил лезть в наши семейные дела?

Невестка — любимица матери. Вспыхнув, мать выходит во двор:

— Ты, Сирчан, занимаешься своим делом — и занимайся! Что за нужда тебе с женщинами пререкаться? А если что надо — скажи мне.

Сирчан хмурится, но молчит. Только руки проворней забегали по полотну циновки, натянутой на бамбуковую раму.

Приготовив бетель, Ману незаметно выходит из гостиной во двор. Воровато оглянувшись по сторонам, она украдкой сует бетель Сирчану и вполголоса говорит:

— Дедушка Сирчан, вы уж не обижайтесь, пожалуйста. Разные люди у нас в доме — разные у каждого речи. А вы не принимайте близко к сердцу.

Улыбнувшись ей в ответ, Сирчан молча отправляет бетель в рот. Но, как на грех, в эту самую минуту из своей комнаты появляется тетка. Увидев у Сирчана бетель, она столбенеет. Заметив, как тетка в немом негодовании таращит на него глаза, Сирчан обращается к ней:

— А вы, уважаемая, угостили б меня сладкой приправой к бетелю. У вас, я знаю, она всегда водится. А то уж давненько...

Но тетка не дает ему договорить. Ей давно уж хочется пошкватиться с этим нахалом, и лучшего случая нельзя и придумать.

— А-а, да ты еще издеваться! Чтоб у тебя язык твой поганый отвалился! Даже на работе бетель с приправами кушать захотелось! Ах ты, бесстыжая рожа! Дармоед, лоботряс проклятый! Сладенького ему подавай! Бетеля! Приправ! Да будь моя воля, я б тебе показала приправы! Ты б у меня на весь век запомнил!

Петли основы будто застревают в руках у Сирчана. Не-

² Махаджан — ростовщик.

сколько минут он сидит неподвижно, весь почерневший, медленно ворочая во рту комочек бетеля. Потом, резко поднявшись, сплевывает в угол красные, как кровь, остатки жвачки, не спеша складывает в корзину весь свой немудреный инструмент и, бросив взгляд на незаконченную циновку, уныло висящую на раме, решительно шагает прочь со двора.

— Боже ж ты мой! Какой быстрый! — бормочет тетка, обескураженная таким поворотом дела. — Разве ж он задаром работал? Настоящее фабричное дхоти — это ж целых восемь рупий! А он вишь ты какой! Ни стыда, ни совести!.. Ну и пусть! Без него обойдемся! Только бы деньги были — на базаре десятки таких дерюжек! С улицы бантаров⁴ целую кучу принесут, если надо!

Ману молчит: не отрывая взгляда от неоконченной циновки, она молча кусает губу, чтобы не разрыдаться.

— Ну и пусть его, дочка! — стараясь успокоить ее, говорит мать. — Не огорчайся, моя хорошая! Куплю на ярмарке — прищлю.

Ману вспоминается, как в день свадьбы мать подарила ей

подстилку, сплетенную Сирчаном. Сколько раз, бывало, родные мужа хвастались ею перед гостями из Патны и даже из самой Калькутты!.. Не отвечая ничего на уговоры матери, сестра встает и молча проходит в комнату невестки.

Я отправляюсь уговаривать Сирчана. Он лежит посреди своей хибарки на старенькой рваной циновке и, вперив глаза в потолок, о чем-то сосредоточенно думает. Едва заведя меня, он глухо говорит:

— Нет, молодой господин! Нет! Они сказали — фабричное дхоти! А что я буду делать с ним, с этим дхоти? Кому надевать его?.. Жена померла, дети тоже за нею последовали!.. Будь жива моя хозяйка, разве б я жил так? Только и осталось от нее — вот эта циновка, что она своими руками сплела. И клянусь тебе, ее памятью клянусь — не могу делать ваш заказ!.. Из всей деревни только в вашем доме ко мне относились как к человеку. А теперь...

Домой я вернулся ни с чем. Хоть и мал был, а понял: тут слова не помогут — видно, глубоко ранила сердце Сирчана обида. Не может больше он прийти к нам.

Невестка принимается хаять узор неоконченной циновки:

— Ну и что он наляпал тут? Совсем и некрасиво. Как, по-моему, Ману?

Сестра промолчала. Бедняжка! Я-то не стал молчать и высказал невестке все, что думал о ней.

Провожать сестру домашние поручили мне.

Когда мы с нею прибыли на станцию и подскочившие носильщики принялись сгружать узлы и чемоданы, среди багажа я заметил свернутую неоконченную циновку Сирчана, с которой Ману ни за что не захотела расстаться. Я невольно подошел к упрямого старика. В ушах снова прозвучал визгливый голосок тетки: «Ах ты, бесстыжая рожа! Дармоед, лоботряс проклятый!».

Подождал поезд. Погрузив багаж, я хотел уже закрывать дверь купе, как вдруг заметил на платформе — кого бы вы думали? — Сирчана! С большим тюком на голове он бежал к нашему вагону.

— Бабу-джи! — еще издали позвал он.

— Что тебе? — высунувшись из окна, спросил я недовольно.

Сбросив на перрон свою ношу, он взглянул на меня:

— Вот... Еле успел... Ману, доченька... здесь? Откройте дверь — я хоть взгляну на нее...

Я отодвинул засов.

— Дедушка Сирчан! — только и смогла выговорить изумленная Ману.

— Это вот... Это от меня, — подбежав к окну, заговорил старик, запинаясь. — Тут все, доченька. Подстилка, циновка и еще пара... на окна...

Поезд тронулся.

Ману, смущаясь, сквозь решетку окна стала совать старику деньги — на фабричное дхоти. Проведя языком по пересохшим губам, Сирчан отрицательно покачал головой и поднес ко лбу почтительно сложенные ладони.

Поезд набирал скорость.

Глядя на удаляющуюся фигурку Сирчана, Ману беззвучно плакала.

Когда станция осталась позади, я развернул подарок Сирчана и застыл в восхищении. Старик превзошел самого себя: такую красоту я видел впервые.

«ГОЛОСА ИНДИЙСКИХ ДРУЗЕЙ»

Красочна и разнообразна поэзия Индии. Живое представление о ее сказочном богатстве дает маленькая антология «Голоса индийских друзей», выпущенная в серии «Библиотека «Огонька».

Переводчик Сергей Северцев собрал в этой книжке образцы современной индийской поэзии, созданные на языках бенгали, урду, хинди, пенджабском, малаялам и телугу. Здесь стихи великих поэтов Индостана — Рабиндраната Тагора, Мухаммада Икбала, Валлатхола, Назрула Ислама, строки прославленных поэтов среднего поколения. Сборник завершается стихотворением видного индийского писателя-коммуниста, верного друга нашей страны Саджада Захира «Встреча в Москве», которое поэт посвящает великому Ленину.

«С каждым годом, — пишет в предисловии к сборнику известный советский индолог профессор Е. П. Челышев, — ширится и крепнет сердечная дружба между советским и индийским народами, с каждой новой книгой все глубже приобретаем мы к сокровищнице индийской классической и современной культуры».

Выход в свет сборника «Голоса индийских друзей» — новое свидетельство этой крепнущей дружбы.

«Голоса индийских друзей. Из современной индийской лирики», М., издательство «Правда», 1970, 32 стр.

Перевел с хинди

В. Чернышев